

19. Полутов И. Давным-давно. Петропавловск-Камчатский, 1995. 164 с.

20. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сб. док. М., 1984. 320 с.

Н. С. Попов
НИКАНДР ИВАНОВИЧ ФИЛАТОВ – СПУТНИК КАПИТАНА
В. М. ГОЛОВНИНА В КРУГОСВЕТНЫХ
ПУТЕШЕСТВИЯХ

В прошлом 2016 г. в Рязанской области отмечалось 240-летие со дня рождения путешественника Василия Михайловича Головнина. Его заслуги перед российской наукой велики, деятельность его многогранна. Отдельно стоит упомянуть его заслуги в области воспитания исследователей морей, путешественников и мореходов. Многие знаменитые ученики и последователи В. М. Головнина хорошо известны: адмиралы Петр Иванович Рикорд, Фердинанд Петрович Врангель, Федор Петрович Литке, Федор Федорович Матюшкин, контр-адмиралы Феопемпт Степанович Лутковский и Федор Иванович Кутыгин, генерал-майор Матвей Иванович Муравьев. Среди них есть человек, занимавший в экипажах кораблей «Диана» и «Камчатка» должности выше некоторых из перечисленных адмиралов, но оставшийся неизвестным для последующих поколений. Его имя Никандр Иванович Филатов. На начало исследований о нем не было известно практически ничего. Откуда он родом, из какой семьи, как сложилась его служба, где он похоронен и, главное, какова его роль в экспедициях В. М. Головнина? Ответы на эти вопросы планировалось получить в ходе исследования.

Первые данные о Филатове были получены из литературы скорее художественной: из описаний путешествия В. М. Головнина по полуострову Камчатка в январе–марте 1810 г.

Исторически достоверная информация о роли Филатова в работе экспедиции В. М. Головнина на шхуне «Диана» содержалась в записках старшего офицера экипажа корабля капитан-лейтенанта П. И. Рикорда (1). Он подробно описал ситуацию при пленении 11 июня 1811 г. японцами капитана Головнина, первых предпринятых мерах по его освобождению, к сожалению, тщетных, а также рассказал о высадке мичмана Филатова на о. Кунашир для получения информации о пленниках: живы ли они (2).

П. И. Рикорд в записках излагает историю своей попытки выезда в Санкт-Петербург с целью добиться освобождения руководителя экспедиции из японского плена. Добрался он только до Иркутска, где ему «высочайше повелено было возвратиться в Охотск, с разрешением отправиться со шлюпом „Дианою“ для продолжения неоконченной нами описи и, вместе с тем зайти к острову Кунаширу для проведения об участии наших соотечественников, захваченных японцами. Для безопасности плавания отдан под мою команду один из охотских транспортов бриг „Зотик“, на коем командиром 1 сделан лейтенант Филатов, один из офицеров камандуемого мною шлюпа. В 3 часа по полуночи, 22 июля 1812 г. отправились мы в путь, в сопровождении брига „Зотика“» (3).

Здесь впервые упоминается Филатов как один из руководителей экспедиции по описанию Курильских островов. Почти в течение месяца моряки занимались описанием гряды. 28 августа вошли в зал. Измены, к месту, где был пленен капитан Головнин, и сразу же попали под огонь японских батарей, открывших орудийную стрельбу по русским судам.

Описан П. И. Рикордом и момент захвата лейтенантом Филатовым японского судовладельца Такатай-Хахи. Произошло это 7 сентября 1812 г. Причем сделал это Филатов корректно, что в последующем позволило склонить японца к участию в освобождении В. М. Головнина.

Насколько «корректно», видно из текста Записок: «...усмотрели мы идущее с моря на нас большое японское судно, на встречу которому послал я гребные наши суда с вооруженными людьми, под командою лейтенанта Филатова, со строгим однако ж предписанием на употреблять оружия, а одной только остраскою стараться остановить судно, и привести на шлюп начальника его. Через несколько часов усмотрели мы, что наши шлюпки пристали к японскому судну без всякого видимого сопротивления и стали буксировать оное к месту, где мы стали на якорь. Лейтенант Филатов, прибывши на шлюп донес, что приближаясь со шлюпками к японскому судну, увидел он на нем множество людей, казавшихся вооруженными; и как судно на даваемые знаки не опускало парусов, то он принужденным нашелся, выпалить из нескольких ружей на воздух. Когда японцы опустили тотчас паруса, некоторые из них бросились в воду и пустились вплавь к берегу; случившиеся вблизи

наших шлюпок были перехвачены, прочие же выплыли на берег или потонули; на судне всех японцев было 60 человек» (4). Сам Такатай-Хахи был доставлен на Камчатку, в Петропавловск, куда ушли зимовать суда экспедиции.

Лейтенант Филатов недолго командовал своим кораблем. Катер, а не бриг, «Святой Зотик» был построен на верфи в Охотске. Эта верфь не имела качественного судостроительного оборудования, а также технически подготовленных или просто опытных судостроителей, поэтому охотское кораблестроение считалось самым низкого качества военным судостроением России своего времени. Корабли строились только для выполнения разовых экспедиций и практически рассчитывались на один-два рейса. Охотская флотилия находилась на последнем месте во флоте и по уровню подготовки личного состава. Лучшие военно-морские офицерские кадры оставались служить в европейской части России. В результате всего этого список разбившихся на мелях и скалах кораблей флотилии рос из года в год. Эта участь не минула и «Святого Зотика».

11 сентября 1812 г. только что прибывший из экспедиции по описанию Курильских островов в Петропавловск, пришвартованный у пристани Большерецк катер «Святой Зотик» во время сильнейшего шторма был сорван с якорей, выброшен на берег и разбит о скалы, но благодаря грамотным действиям Филатова экипаж и большая часть груза были спасены.

В апреле 1813 г. лейтенант Филатов возвратился на прежнее место службы, на «Диану» (5). Именно ему довелось 27 октября 1813 г. принимать на Кунашире освобожденных пленников во главе с В. М. Головниным. После убийства капитана Головнина в Санкт-Петербург лейтенант Филатов в 1813–1814 гг. командовал транспортом «Борис и Глеб», плавал у японских берегов. Затем, в 1816 г., через Сибирь из Охотска вернулся в Петербург, куда был отозван в распоряжение В. М. Головнина для подготовки нового кругосветного путешествия на шлюпе «Камчатка» (1817–1819 гг.). На тот момент Филатов был одним из немногих капитанов, переживших страшные шторма в Атлантическом (прол. Дрейка), Индийском (к востоку от м. Доброй Надежды) и Тихом океанах.

В состав экипажа шлюпа «Камчатка» Никандр Филатов был включен вторым помощником. Первым был лейтенант Матвей Иванович Муравьев, направлявшийся в Русскую Америку (Аляску) в качестве правителя Российско-Американской компании. В число команды входили молодые мичманы Федор Литке и Фердинанд Врангель, гардемарины Феопемпт и Ардальон Лутковские, коллежский секретарь Федор Матюшкин. Все они стали знаменитыми путешественниками и адмиралами. Это кругосветное путешествие стало одним из самых результативных в истории русских кругосветных «вояжей». После него В. М. Головнин был назначен на руководящие должности в Российском флоте, а Никандру Филатову предстояло направиться в новое кругосветное путешествие.

В начале 1821 г. были снаряжены в Кронштадте 28-пушечный шлюп «Аполлон» и бриг «Аякс» для доставки на Камчатку и в Новоархангельск (Аляска) разного груза. Первому из этих судов ставилась задача по прибытии к берегам Аляски перекрыть маршруты вывоза контрабанды, что способствовало бы развитию торговли Российско-американской компании. Бриг «Аякс» должен был доставить товары для жителей Русской Америки и перевезти в Охотский порт оборудование для постройки судов (6). Начальство над этим отрядом было поручено командиру шлюпа «Аполлон» капитану 1-го ранга Тулубьеву; бригам «Аякс» командовал лейтенант Филатов. В экипаже брига находились 3 лейтенанта: Федор Филатов, брат Никандра Ивановича, и Ардальон Степанович Лутковский, родной брат жены В. М. Головнина, уже имевший опыт кругосветных путешествий на шлюпе «Камчатка». Был в составе экипажа «Аякса» и мичман Александр Адамович Моллер, будущий контр-адмирал и кругосветный путешественник, участник Наваринского сражения. 28 июля 1823 г. он на шлюпе «Предприятие» под командованием капитан-лейтенанта О. Е. Коцебу совершил поход к берегам Аляски.

Кстати, на шлюпе «Аполлон» находился второй брат жены В. М. Головнина – Феопемпт Лутковский и Федор Иванович Кутыгин, ранее члены экспедиции к Аляске на шлюпе «Камчатка».

С Кронштадтского рейда суда снялись 28 сентября, 1 октября вошли в Балтийское море, 12-го – прибыли в Зунд и остановились в Гельсингборге. Дополнив здесь запасы провизии и воды, следовали далее. В Немецком море (современное название – Северное) выдержали восьмидневный шторм, во время которого суда потеряли друг друга. 12 ноября «Аякс» подошел к Кале, но из-за сильного встречного ветра не смог войти в пролив Ла-Манш. Сильные и непрерывные юго-восточные ветры отнесли бриг к востоку, к берегам Голландии. 25 ноября «Аякс» сел на мель (стал на банку) (7).

Вот как описывается это кораблекрушение в изданной в 1855 г. «Летописи крушений и пожаров судов русского флота 1713–1853»: «1821 год. Бриг (16 пушек) Аякс. Командир лейтенант

Н. И. Филатов. (Немецкое море.) Посланный из здешнего моря к восточным берегам с грузом для тамошних портов, 12 ноября находился пред входом в Английский канал. Непрестанные юго-западные штормы в продолжение следующих двенадцати дней относили его всё далее и далее. Наконец открылись берега Голландии. В 7 часов вечера двадцать пятого бриг стал на банку, в 3 милях на NW 23° от о. Ширмониог. Удары были сильные, и открылась течь. В 9 часов на делаемые беспрестанно выстрелы показались от берега до двенадцати ботов, из которых четыре подошли довольно близко. С брига спустили шестёрку; но течением её унесло под нос и залило бурунами, а людей успели спасти; потом спустили баркас, который также был унесён, и бывшие на нём трое матросов погибли. Из гребных судов оставались только полуразбитая гичка. Между тем в 11 часов боты скрылись. Тогда на бриге для облегчения ударов срубили фок-мачту, делали плот и непрерывно отливали воду. Подошедшие в 7 часов утра два бота успели перенять унтер-офицера и 6 матросов; но как у первого бота сломилась бизань-мачта, задевшая за гик брига, а второй не решался подходить ближе, то оба они удалились. В 9 часов утра, опасаясь, чтобы при отливе не повалило набок, на бриге срубили грот-мачту; вскоре за тем вышибло руль. Течь всё усиливалась. Около полудня подошёл бот, на котором находились все перенятые с брига, и на него успели передать кабельтов. Опасаясь близкого разрушения брига, просили рыбаков, бывших на боте, пригласить другие боты для снятия тяжестей и чтобы оставались на всю ночь при бриге. Они отвечали на это, что долго оставаться не могут, а за спасение команды требовали немедленной уплаты. В доказательство, что было чем заплатить, передали запечатанный анкерок с деньгами, приказав его хранить находившимся на боте унтер-офицеру с матросами; но рыбаки отняли у них анкерок. Тогда же стала переправляться на подходившие другие боты все команда; а в 2 часа пополудни перешли офицеры и командир, взявшие с собою последний анкерок с деньгами, с которым было поступлено так же, как и с первым. „С горестным чувством, говорит командир в заключение своего донесения, мы были принуждены оставить свой бриг“. Между тем, вступившие на бриг рыбаки грабили его, ломая всё встречавшееся, „поступая с ним, как с неприятельским судном, взятым на abordаж“, писал консул Брюнет графу Нессельроду. Бриг потом был снят, отведён в Гарлинхен, исправлен там и в следующем году возвратился в Кронштадт. Похищенные рыбаками деньги старанием голландского правительства были возвращены почти все и многие вещи отысканы» (8). К величайшему сожалению, в этом кораблекрушении погиб лейтенант Ардальон Степанович Лутковский, близкий родственник В. М. Головнина.

Расследование по крушению брига «Аякс» у берегов Голландии и производство следствия велось 5 лет, закончилось в 1827 г. (9)

Как сложилась дальнейшая служба на флоте у Н. И. Филатова, неизвестно. Согласно Алфавиту персоналий георгиевских кавалеров, Никандр Иванович Филатов, капитан-лейтенант, 12 декабря 1824 г. был награжден орденом Святого Георгия 4-го класса за участие в 18 морских кампаниях после получения офицерского чина. Ему был вручен знак ордена за № 3864. В отставку был уволен в 1829 г. капитаном 2 ранга.

Немного в то время было моряков, совершивших 2 и направлявшихся в 3-е кругосветное путешествие. Не может такой заслуженный человек остаться безвестным. Было решено продолжить поиски.

При исследовании рязанского периода жизни В. М. Головнина появилась необходимость изучения помещичьих имений Раненбургского уезда Рязанской губернии. В ходе исследования ревизских сказок этого региона была обнаружена интересная запись:

«Ревизская сказка № 403. 1834 года марта 6 дня. Рязанской губернии Раненбургского уезда, деревни Мураевинских выселок помещика флота капитана 2 ранга Никандра Ивановича Филатова состоят мужского и женского рода крестьяне. Мужского – 39, женского – 41... Достались по наследству от покойного родителя моего майора Ивана Фаддеевича Филатова по разделу с братьями моими в 1834 году» (10). Здесь же находились «сказки» братьев Федора Ивановича и Павла Ивановича Филатовых. Причем документы были подписаны лично только Федором Филатовым. Вероятно, он жил в Мураевинских выселках. Документы Никандра и Павла Филатовых подписаны по доверенности (11). Но тот ли это Филатов?

В Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) было поднято дело о дворянском роде Филатовых. В одном из прошений помещика секунд майора Ивана Фаддеевича Филатова в Рязанское Дворянское собрание от 6 ноября 1808 г. значилось: «Я имею шесть сынов служащих в морской службе мичманом Александра начальником судна катера „Сокол“ ныне против шведов с сыном третьим и его братом Павлом гардемаринном, Никиндром, мичманом командированного на фрегате „Диане“ в Америку, Федора и Константина в морском корпусе кадетами. Николай четырех лет при

мне (пунктуация и орфография документа сохранены)» (12). Стало ясно, Никандр Иванович Филатов – рязанский помещик.

Дальнейшие исследования показали, что род Филатовых имел вотчины в Пронском уезде Рязанской губернии. Отец путешественника, секунд-майор Иван Фаддеевич Филатов, владел имениями в Пронском уезде в с. Бествино и Быково (13). В этом документе был ответ: почему В. М. Головнин включал Никандра Филатова во все свои экспедиции и даже направил в путешествие на бриге «Аякс» родного брата своей жены Ардальона Лутковского?

Дело в том, что с. Бествино (ныне Бештвино), расположенное в 20 км от Рязани, было вотчиной рода Тютчевых. Бабушка В. М. Головнина – Анна Богдановна Вердеревская, до замужества Тютчева, имела в этом селе имение. Бабушка играла в жизни В. М. Головнина большую роль, воспитывала его после смерти родителей и до определения в Морской кадетский корпус. Второе имение Филатовых в с. Быково располагалось в нескольких километрах от имения самого В. М. Головнина в с. Гулынки. Так что у В. М. Головнина и у Н. И. Филатова была одна малая родина, и этим объясняются их отношения.

Немного о семье Никандра Филатова. Дед, Фаддей Фаддеевич (или Федосьевич) Филатов, был капитаном Тверского карабинерского полка, службу проходил в г. Козлове Тверской губернии. Имел вотчину в деревне Торчковой, ныне Кораблинского района Рязанской области. Отец, секунд-майор Иван Фаддеевич Филатов, служил в Казанском керасирском полку, хорошо владел французским языком. Участвовал в русско-турецкой войне. В ходе боев у Базарчука был ранен. «В голове боль... повреждена грудь от чего удуще и рукой и ногой ламота, и всем корпусом слаб и за тем гарнизонной 6 службы продолжать не может» (14). С таким диагнозом он был уволен в запас в 1781 г. Все братья Никандра, а их было пятеро, служили в морской военной службе.

Наиболее интересные данные о Федоре Ивановиче Филатове, капитан-лейтенанте и Кавалере. В качестве командира военного корабля – галета «Аглая» участвовал в боевых действиях в ходе Отечественной войны 1812 г. и войне с Францией 1813–1814 гг. в составе отряда будущего адмирала И. С. Сульменева. В подчинении у него был 15-летний гардемарин Федор Литке, награжденный за бои под Ригой орденом Св. Анны 4-й степени на кортик. В дальнейшем он, Литке, стал членом экипажа шлюпа «Камчатка», затем выдающимся мореплавателем, ученым, адмиралом (1855), графом, президентом Российской академии наук (1864) и учредителем и руководителем РГО. Не исключено, что именно Федор Филатов порекомендовал своему брату Никандру, а через него и В. М. Головнину взять в экспедицию молодого мичмана.

Еще один архивный документ – запрос из Дворянского депутатского собрания Саратовской губернии от 15 сентября 1845 г. В документе указывается, что капитан 2 ранга Никандр Иванович Филатов подал заявление в Дворянское депутатское собрание Саратовской губернии, в котором он просит получить из Рязани документальное подтверждение своего дворянского происхождения (15).

Это означало, что Никандр Иванович убыл на постоянное жительство в Саратов еще до 1845 г. Документы о дворянском происхождении ему, вероятно, были необходимы для устройства детей в учебные заведения. Возможно, он решил стать саратовским дворянином.

Исследование его жизни в этом городе на Волге пока не начаты. Известно только, что в списках людей, чьи захоронения на православных кладбищах в городах и селах Саратовской губернии существовали накануне Первой мировой войны, найдена запись о захоронении на кладбище Саратовского мужского Спасо-Преображенского монастыря Филатова Никандра Ивановича, флота капитана, родившегося в 1790 г. и умершего в 1863 г., и о захоронении там же Филатова Владимира Никандровича, вероятно, его сына (16).

Так прояснилась судьба еще одного рязанского кругосветного путешественника – капитана флота Никандра Ивановича Филатова.

1. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб. 1816.
2. Там же. С. 7–8.
3. Там же. С. 13, 15.
4. Там же. С. 33–34.
5. Там же. С. 56–57.
6. РГА ВМФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1541; 2259.
7. *Ивашищев Н.* Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 гг. СПб., 1872. С. 72–74, 232–233.
8. *Соколов А. П.* Летопись крушений и пожаров судов русского флота 1713–1853. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1855.

9. РГА ВМФ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 821.
10. ГАРО. Ф. 129. Оп. 32. Д. 144. Л. 203–204.
11. Там же, Л. 193–194, 199.
12. ГАРО. Ф. 98. Оп. 7. Д. 70. Л. 64об.
13. Там же. Л. 154а.
14. Там же. Л. 65.
15. Там же. Л. 187.
16. *Жеребцов А. И.* Кладбище Саратовского мужского Спасо-Преображенского монастыря. Саратов, 2011. Перепеч. из: «Саратовский духовный вестник». 1911. № 47–49.

В. П. Пустовит **ПОЕЗД ТРОЦКОГО НА КАМЧАТКЕ**

...В 20-х числах декабря 1927 г., через несколько дней после завершения XV съезда ВКП(б), исключившего из своих рядов 75 видных троцкистов (1) (Троцкий был исключен в середине ноября на Пленуме ЦК), большевистское руководство Камчатки получило по линии ОГПУ сведения об организации в Петропавловске инициативной группы оппозиционеров. Поименно назывались пять функционеров среднего звена.

«Я не придавал этому значения, так как знал, что эта компания собирается частенько для преферанса и для выпивок, – сообщал в закрытом письме главе Далькрайкома Я. Б. Гамарнику ответственный секретарь Камчатского окружного бюро ВКП(б) Н. И. Кузнецов. – Я предполагал, что эти сведения – результат болтовни под пьяную руку. Но, оказалось, что дело обстоит действительно серьёзно» (2).

Согласно агентурным данным, «преферансисты» и «выпивохи» намереваются выпустить воззвание к местной парторганизации, и они уже «организационно оформлены как нечто вроде оппозиционного окружного филиала бюро при секретаре Коробовском» (там же) – камчатском окружном прокуроре, который не ладит с начальником окротдела ОГПУ М. А. Краузе (3).

Глава камчатских коммунистов решил узнать, что собой представляет этот «филиал», по своим каналам. В результате на удочку попался «наиболее глупый» из них (определение Кузнецова) Конкордий Григорьев, завкультотделом окрпрофбюро. Он показал некоему лицу проект обращения, опечатанный, как выяснилось позднее, в конторе Петропавловской таможни.

В список оппозиционеров партруководство Камчатки внесло самого Григорьева и Коробовского, уполномоченного Дальгосторга А. Я. Бабенко, управляющего таможней А. Е. Выборнова, завокрместхозом Г. М. Ионова, надзирателя Петропавловского порта В. И. Мокроуса, завокроно Н. С. Павленко, капитана порта А. С. Пестова, инспектора окроно П. И. Пискуна, секретаря окрместкома В. А. Пряникова, инспектора окрфо по прямым налогам В. Д. Сквородько-Федотова, завокрфо и управляющего отделением Дальгосбанка Н. С. Усова. Причём, двое – Ионов и Сквородько (4) – примыкали к троцкистской оппозиции 1923 г.

Но если тогда это, по инерции (несмотря на принятую в 1921 г. резолюцию «О единстве партии»), не считалось большим грехом, то теперь, после XV съезда, быть троцкистом означало превратиться в «орудие мелкобуржуазной демократии внутри СССР» (5) и поставить себя вне партии, то есть изменить свою жизнь к худшему: и в моральном плане, и в карьерном.

Н. И. Кузнецов дал телеграмму в Хабаровск ПП ОГПУ по ДВК: «П/х „Эривань“ выехал распоряжение Пермского окружкома член партии Григорьев распространявший здесь антипартийные документы тчк имеются сведения окончательно не проверенные существовании Петропавловске оппозиционной группы которая поручила Григорьеву установить связь Хабаровском Организации группы замешан Бабенко выехавший также материк тчк Просьба принять меры...» (6).

Образованная 3 января 1928 г. партийная следственная комиссия состояла из ответственного секретаря Камчатского окрбюро Н. И. Кузнецова, уполномоченного ДВ ККК ВКП(б) П. Г. Ивашкина, начальника ОГПУ М. А. Краузе и коммуниста Дуракова (7). Почти все из опрашиваемых ею «оппозиционеров» утверждали, что именно он, уехавший Григорьев, мутит воду, подбивая их встать на путь борьбы с генеральной линией ЦК, которую поддерживало 96 % партийцев Советского Союза.

Григорьев говорил, что его, студента-медика (учился на 5 курсе), вышибли из вуза как оппозиционера, возили из Перми в Москву и потом отправили на Дальний Восток, на Камчатку он попал

в ссылку «и об этом знает только тов. Шлык (завагитпроп. – В. П.), а тов. Кузнецову неизвестно» (8). Это противоречило официальным сведениям, согласно которым член партии большевиков с 1924 (или 1925) г. прибыл на полуостров летом 1927-го «по собственному почину». Вначале работал секретарём окрстрахкасссы, затем инструктором Усть-Большерецкого райисполкома. Ранее партвыскааний не имел.

Пискун сообщил о передаче ему Григорьевым конверта с пресловутым обращением. Он стал громко читать его «один в коридоре и, увидев из него, в чём дело», направился к Пряникову и с ним уже дочитал до конца, а, придя домой, – от греха подальше – сжёг. Потом он скажет, его ошибка в том, что он не сообщил в окрбюро об обращении (9).

Что же крамольного было в этом документе? А вот что: «Не имея полных материалов платформы оппозиции, скрытых от партии ЦК, мы вынуждены оценивать линию ЦК по работе камчатского партаппарата. А что нам дала политика камчатского партаппарата? Безобразное и позорное для нашей партии командование, бюрократизм и политические сумерки. ...Как чувствуют себя отработчики, не говоря уже о низовой партийной массе? Пришибленно».

Григорьев в разговоре с управляющим таможней прошёлся по административно-командному стилю работы окрбюро ВКП(б). Выборнов возразил ему в том духе, что, «если нашего брата распустить, то толку будет мало» (10).

В обращении далее говорилось: «Вступительная часть к докладу (Кузнецова на Петропавловской горрайконференции большевиков. – В. П.) “Решения, которые мы сегодня будем с вами обсуждать, уже приняты съездом”. Как это понимать? А надо понимать, видимо, как предупреждение невозможности критиковать линию ЦК. Сравнивая эти два примера, можно сделать вывод: в первом случае не смей критиковать политическую линию партаппарата на месте, а второй, вполне логично, и линию ЦК».

«Грязь и клевету» в адрес троцкистов цитируемый документ объяснял неопровержимостью их доводов. «Люди с большим революционным стажем и заслугами и которых мы имеем в аппарате, хотя бы местном, назовём их брикманьы большие и малые, с остервенением оплёвывают оппозицию и её руководителей, конечно, не стоящие одного их пальца (это их мнение – они гордятся, что могут под одобрительные аплодисменты аппарата изрыгать всякого рода бессовестные ругательства...».

Но ругательствами борьба не ограничивалась. В том же январе 1928 г. по приказу генсека Сталина многие крупные представители оппозиции были высланы подальше от Москвы и Ленинграда. А Троцкого на руках вынесли из квартиры (11), посадили в поезд, отправившийся в край песков и верблюдов. Высылали, однако, формально не за критику Сталина и проводимой им внутренней и внешней политики, а за то, что оппозиция «перешла не только за грань Устава партии, но и за грань советской легальности» (12): устроила уличные демонстрации 7 ноября 1927 г., приступила к образованию новой партии и её печатных органов. В разговоре с Пискуном и Пряниковым Григорьев упомянул об этом: на материке «большевики-ленинцы» уже собирают членские взносы, что на Камчатке преждевременно «ввиду малочисленности наших сторонников и недостаточного ознакомления с нашей линией остальных партийцев».

Из текста обращения явствовало: оппозиция не намерена отступаться от своих планов, несмотря ни на какие репрессии: «В тюрьму всех не спрячешь. А успехи мы имеем, это доказывает тысяча подписей к платформе 83-х, испытанных ленинградских партийцев, рабочих... Нам не дают говорить, мы будем писать – даже далёкая окраина Камчатка будет знать и иметь те материалы, которые скрывает и прячет ЦК от партии».

Григорьев уверял Выборнова, что литература такого толка должна поступить из Усть-Большерецка (13). И тот возмутился, когда Сквородько-Федотов передал слова Григорьева, будто и литература об оппозиции, «и шифр» у Выборнова, которого он оставил на Камчатке за организатора. Осуждая тактику оппозиции, Выборнов назвал всё, сказанное Григорьевым в отношении его, ложью, а Григорьева аферистом (14). И когда его спустя 5 лет на партийной чистке попросили поподробнее остановиться на участии в оппозиции, Выборнов ответил так: «По своему партийному убеждению я в оппозиции не был и не буду. Вся история с этим вопросом была вызвана неким Григорьевым, сказавшимся троцкистом, который исказил мои разговоры с последним по политическим установкам» (15).

В опросном листе Сквородько (1928 г.) есть любопытные вопросы и не менее любопытные ответы: «Зачем вчера был у Выборнова? – Гуляли с женой и зашли. – О чём говорили? – Говорили, что вызывали по этому делу, он сообщил, что показывал и удивлялся, что известны в окрбюро все разговоры его с Григорьевым, думает, что Григорьев его просто провоцировал. – Говорил ли Выборнов, что у него есть литература антипартийная? – Дал честное слово коммуниста, что